

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

И. Я. БАХОФЕН И РУССКАЯ НАУКА

I

В 1881 г. известный немецкий юрист Иосиф Колер, представитель «этнографической юриспруденции», в рецензии на одну из книг другого представителя того же направления, А. Г. Поста, напечатанной в редактировавшемся Колером «Журнале для сравнительного правоведения» (*Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*), мимоходом упомянул о Бахофене и его «Материнском праве».

Престарелый уже тогда Бахофен немедленно отозвался письмом на имя Колера (от 23 октября 1881 г.), в котором между прочим писал: «Вы упомянули... мое «Материнское право». Скоро уже четверть века, как оно появилось... С того времени я издал и дальнейшие работы, которые остались так же незамеченными, как и первое мое сочинение»...

Когда затем, в 1883 г., Колер напечатал хвалебную рецензию на вышедшую еще в 1870 г. книгу Бахофена «Предание о Танаквиль» и I том «Антикварных писем», вышедший в 1880 г., Бахофен написал Колеру новое, пространное благодарственное письмо (от 6 мая 1883 г.). В этом, проникнутом чувством глубокой горечи, письме Бахофен вновь говорит о том непризнании и неодобрении, которое он встретил со стороны современной, в особенности немецкой цеховой науки и которое заставило его чувствовать себя «отшельником»¹.

Если сейчас, восстанавливая историографически и библиографически литературную судьбу Бахофена, в частности его «Материнского права», нельзя все так сказать, чтобы оно оставалось в зарубежной науке совершенно незамеченным в течение указываемого Бахофеном периода, то все же правильно, что, как эта книга, так и вообще его учение великого швейцарского историка, пребывавало на протяжении весьма долгого времени неизвестным, малоизвестным и во всяком случае непризнанным.

Мы не будем здесь входить в описание всей литературно-идеологической истории учения Бахофена. Это сделано нами с возможной полнотой в другом месте, в работе, ожидающей напечатания. Отметим только наиболее существенное.

Можно действительно сказать, что появление «Материнского права» было встречено гробовым молчанием. И это не только вообще в зарубежной науке, но в частности в Германии, т. е. в стране, где Бахофен, как представитель немецкой Швейцарии, писавший на немец-

¹ Оба письма приведены в нашей работе о Бахофене: «Сельская этнография», 1933, I.

ком языке, мог ожидать раньше всего найти своего читателя. Нам известна только одна, повидимому и единственно появившаяся на немецком языке, рецензия на «Материнское право», написанная одним из друзей Бахофена, лежским профессором, историком литературы и филологом, Феликсом Либрехтом. Скорей лишь излагающая содержание книги Бахофена, рецензия эта дает положительную, но все же осторожную оценку этой книги. Указывая на громоздкость труда швейцарского ученого и трудность его освоения даже для специалистов, Либрехт следующим образом заканчивает рецензию: «Если даже «Материнское право» Бахофена и не найдет себе сейчас признания, то... лежащие в основе этого сочинения идеи, хотя бы и медленно, все же проложат себе путь в будущем»². Еще одна коротенькая рецензия на «Материнское право» появилась на французском языке. Автор ее, известный историк права Родольф Дарест, в весьма субъективном тоне, но лишь в нескольких словах передал тему рецензируемой книги и указал на громадный собранный здесь материал³. Почти полное молчание сопровождало выход в свет и последующих трудов Бахофена. Так, «Предание о Танаквиль», помимо написанной десять лет спустя помянутой рецензии Колера, вызвало по своему выходу две рецензии, напечатанные: одна — тем же Либрехтом, другая — точно также другом Бахофена и его товарищем по профессуре в Базельском университете, швейцарским историком Францем Герлахом⁴.

Но если взять не только Германию, а и весь зарубежный научный мир в хронологических пределах 60—70 годов прошлого века, притом не только широкие научные круги, но и более узкий круг специалистов по первобытной истории или смежным дисциплинам, то литературно-научная судьба Бахофена представится в следующем виде.

Еще в 1865 г. не имели понятия о Бахофене Мак Леннан, Тэйлор, Морган, Леббок, Мэн. Между тем, в ту пору и на некоторое последующее время по вопросу о матриархате получили широкое распространение и признание взгляды Мак Леннана в том узком понимании, которое у шотландского юриста сводилось к матрилинейному счету происхождения и родства. Если затем, в начале 70-х годов, идеи Бахофена и получают кой-какой отклик, то это касается лишь отдельных его высказываний, причем в случайных и невлиятельных литературных выступлениях. Женевский профессор Алексис Жиро-Телон, считавшийся учеником Бахофена, начал с того, что в первой своей книжке «Мать у некоторых народов древности»⁵ отказался последовать за Бахофеном в его обобщении матриархата, как универсальной исторической стадии, и предпочел примкнуть к Экштейну, утверждая в свою очередь, что у арийцев и семитов матриархата не существовало⁶. Следующая работа Жиро-Телона «Происхождение семьи»⁷ представляет собой уже комбинацию из взглядов Мак Леннана и Бахофена, причем сущность матриархата все же сводится к матрилинейному порядку наследования и отдельным обычаям. Некоторое значение имел сделанный Жиро-Телоном в 1874 г. в парижском Географическом обществе доклад о различных формах семьи и родства у отсталых наро-

² «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1862, I, 10.

³ «Revue historique de droit français et étranger», 1865, 1.

⁴ «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1870, 19; «Heidelberg'sche Jahrbücher der Literatur», 1870, 15 и 60.

⁵ Giraud-Teulon, La mère chez certains peuples de l'antiquité, Paris — Leipzig, 1867.

⁶ Об Экштейне см. нашу работу: «История брака и семьи в истории науки до середины XIX в.», «Советская этнография», 1931, 1/2.

⁷ Les origines de la famille, Genève — Paris, 1874; новая, не имеющая значения переработка: Les origines du mariage et de la famille, Genève — Paris, 1884.

дов, где докладчик призывал к собиранию соответствующего этнографического материала⁸. Большое влияние приобрел в 70-х годах Леббок. Его «Происхождение цивилизации» было сводкой и комбинацией из всех высказанных к тому времени взглядов по первобытной истории, в частности взглядов Мак Леннана, Бахофена и Моргана, с присоединением некоторых собственных, иногда удачных, иногда весьма произвольных конструкций. Книга Леббока была первым популярным, к тому же очень живо написанным, иллюстрированным разнообразным этнографическим материалом, сочинением по первобытной истории и потому получила широкое распространение. Однако, взгляды Бахофена, о котором он имеет понятие видимо из вторых рук, возможно, по первой книжке Жиро-Телона, Леббок усвоил или изложил совершенно неправильно. Вместе с тем Леббок отверг всю сущность учения Бахофена и присоединился по вопросу о матриархате преимущественно к Мак Леннану. Таким образом у Леббока матриархат выглядит опять таки в основном как матрилинейный счет происхождения и родства, сопровождающийся «курьезным порядком», по которому имущество переходит по наследству к сестринным детям. Наконец, в ту же эпоху выступил и первый «опровергатель» нового учения о первобытности — немецкий географ Оскар Пешель со своим популярным «Народоведением». Заняв оборонительное положение на позициях «патриархальной теории», Пешель с особой развязностью целиком отверг учение Бахофена⁹. Надо кстати сказать, что «патриархальная теория», энергично возобновленная Генри Мэном и получившая ряд влиятельных защитников в лице таких ученых, как Фюстель де Куланж, Адольф Пикте, Пауль Лабанд, Поль Жид и Эдуард Тэйлор, также примыкавший тогда к этой «теории», впоследствии свои взгляды изменивший, — занимала в ту эпоху весьма сильные позиции.

Выразительной иллюстрацией положения дел, о котором мы говорим, служит тот факт, что конгениальный Бахофену Морган, как мы это с очевидной достоверностью установили, узнал о Бахофене и его взглядах в известной мере случайно, притом из вторых рук и, наконец, лишь тогда, когда он уже заканчивал свое «Древнее общество», т. е. около 1877 г.¹⁰

Мы имеем таким образом все основания сказать, что, если не считать того влияния, которое оказал Бахофен на Моргана, и не говоря о незначительных литературных явлениях, впервые на Западе широкое признание получило учение Бахофена только у Энгельса в 1884 г., в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹¹.

Остается добавить, что в конце концов, если не считать литературных явлений опять таки малозначительных или не оказавших влияния, полного признания учение Бахофена на Западе так и не получило и в последующее время, вплоть до сегодняшнего дня. Исключением надо считать сравнительно недавнее выступление английского писателя Р. Бриффо с его трехтомным сочинением «Матери» (1927).

Причины охарактеризованной литературной и идеологической судьбы Бахофена в зарубежной науке — сложны.

⁸ Des différentes formes de la famille et des parentés chez les peuples barbares. «Bulletin de la Société de géographie», 1874, 1.

⁹ O. Peschel, Völkerkunde, Leipzig, 1874; семь переизданий, существует русский перевод.

¹⁰ См. об этом в нашей работе: «Л. Г. Морган. Жизнь и учение», издание 2, переработанное и дополненное, Ленинград, 1935.

¹¹ Кстати заметить, достаточно говорилось и писалось о влиянии Моргана на Маркса и Энгельса, но совершенно неисследованным остается соответствующий вопрос относительно Бахофена. Между прочим, высказывание в литературе мнения, будто Маркс и Энгельс узнали о Бахофене только из книги Моргана, совершенно неверно. Мы имеем убедительные доказательства того, что и Маркс, и Энгельс были знакомы с Бахофеном до их знакомства с Морганом.

«Я жалею, — писал Бахофен одному из своих друзей, италийскому археологу Аугустино Джервазио, в Неаполь, 24 октября 1857 г., сообщая о предстоящем окончании работы над «Материнским правом», — что немецкий язык, которым я пользуюсь, будет для многих серьезным препятствием к тому, чтобы заняться моим трудом»¹². Немецкий язык, знакомство с которым в те времена, как и сейчас, было очень мало распространено в других зарубежных странах, действительно должен был явиться препятствием для ознакомления с этой книгой. Язык Бахофена, к тому же особо изысканный, сочетается и с весьма своеобразным, порою очень тяжелым стилем. Наконец, обширный труд Бахофена написан в прихотливой манере, несистематично, с бесконечными отступлениями и повторениями, с обильными цитатами, нередкими экскурсами на частные темы, представляя собой таким образом в целом нечто чрезвычайно громоздкое. Это дало основание Энгельсу сказать: «Простудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная».¹³

Но если Бахофен, считая немецкий язык своей книги препятствием к тому, чтоб она стала известна в других странах, рассчитывал скорей на читателя в Германии, то здесь, как можно было видеть, он жестоко ошибся. Гораздо правильнее оценил положение опять таки Энгельс: «Толстый том Бахофена был написан по-немецки, т. е. на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась первобытной историей современной семьи. Поэтому книга осталась незамеченной».¹⁴

При этом в зарубежной литературе никогда не появлялось и не существует до сего дня ни одного отчетливого, правильного и сколько-нибудь подробного изложения взглядов Бахофена во всей их широте.¹⁵

Как это выше отмечено относительно отдельных авторов, представления о взглядах и всем учении Бахофена не основывались за рубежом на изучении или хотя бы знакомстве непосредственно с его произведениями, а по общему правилу заимствовались из вторых или третьих рук, так что учение это оставалось известным главным образом в передаче его «интерпретаторов». Из всего многостороннего и сложного, однако сводящегося к глубокому единству, учения Бахофена брались лишь отдельные высказывания, отдельные положения, причем переданные нередко неточно или неправильно. При таких условиях, наряду с незнакомством, игнорированием, непризнанием и неприязненной критикой, все учение Бахофена, в особенности его сущность, преподносилось в искаженном виде. Это обратилось в своего рода традицию, причем в особенности обычными сделались два утверждения.

Надо сказать, что в данном случае в известной мере повинен сам Бахофен, вернее, его неудачная терминология.

Как известно, для обозначения ранних форм брака Бахофен предложил неудачный термин гетеризм¹⁶. Но более, чем неудачный выбор термина, неблагоприятное влияние оказало и само понятие. Бахофен обозначил этим термином то, что мы называем доиндивидуальными

¹² Письмо это в более полном виде см. в нашей вышеназванной работе о Бахофене.

¹³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 120.

¹⁴ Там же, стр. 121.

¹⁵ Таковым нельзя считать ни изложение в общих книгах, например, в вышеуказанном сочинении Жиро-Телона, 1874 г., ни специальные статьи: Elie Reclus. Le mariage d'après Bachofen, «Revue internationale des sciences», 1881, VIII, 9; немецкий перевод: Das Mutterrecht, «Kosmos», 1882, 5; русский перевод с немецкого: Материнское главенство в примитивной семье, «Русское богатство», 1883, 1; C. Kellies-Krauz, J. J. Bachofen, Aus den Studien über die Quelle des Marxismus, «Neue Zeit», 1902, 1; E. Fromm, Die sozialpsychologische Bedeutung der Mutterkulturbewegung, «Zeitschrift für Sozialforschung», 1934, 2 (Paris).

¹⁶ На неудачное применение Бахофеном этого термина указал Энгельс; см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 18, Примечание.— Сам Бахофен в «Mutterrecht» уже заменил термин «гетеризм» термином «промискуитет».

формами брака. Представление о начальном отсутствии индивидуального брака — одно из наиболее старых в истории общественной науки. всегда пользовавшееся значительным распространением, и не оно было создано Бахофеном, создан был им только этот новый термин. Однако Бахофен объединял этим «гетеризмом» две последовательные исторические формы брачных отношений: промискуитет и групповой брак. Морган, создав эти два новых термина и соответственно — два понятия и присоединив сюда, в качестве следующей ступени, парный брак, ввел в этом отношении существеннейшее, притом принципиальное разграничение и пошел здесь по сравнению с Бахофеном далеко вперед. Промискуитет у Моргана был и остается необходимо предполагаемой, все же гипотетической, формой начальных, беспорядочных, отношений полов, групповой брак — первой организованной формой брака, выглядывающей, если к ней присмотреться и ее правильно исторически расценить, как выразился Энгельс, «отнюдь не так ужасно». ¹⁷

«Гетеризм» у Бахофена обозначал самую раннюю форму брачных отношений, означая вместе с тем и самую раннюю стадию развития общества. Стадия эта вообще очерчена у Бахофена неотчетливо. Хотя вообще бахофеновой периодизации не хватает четкости, однако этот «гетеризм» у него совершенно определенным образом отличается и отграничивается от эпохи матриархата, с установлением которого возникает уже индивидуальный брак (т. е. парный брак, по терминологии Моргана). Таким образом «гетеризм» у Бахофена ничего общего не имеет с матриархатом, хотя Бахофен и говорил о существовании при матриархате пережитков «гетеризма» (т. е. группового брака, как мы бы сказали). Именно здесь учение Бахофена и подверглось одному из тех искажений, о которых мы говорили. Искажение это состояло в том, что «гетеризм» нелепым образом был не только приписан всей эпохе матриархата, но, в изображении многих «толкователей» Бахофена, был возведен в характерный признак и даже сущность матриархата. Здесь следует помянуть и Леббока, прибавившего сюда и свое искажение. В свою очередь не различая моргановских двух ступеней в развитии индивидуального брака, Леббок раннее состояние брака обозначил выражением «коммунальный» или «общинный» брак, заменив им, как он выразился, «для приличия» (for convenience) «групповой брак» Моргана (термин «коммунальный брак» Леббок, впрочем, заимствовал у Мак Леннана). Заимствовав весьма старое, основанное еще на одном из геродотовских отзывов, представление, широко распространившееся в литературе XVI—XVIII вв. и прочно удерживавшееся затем, Мак Леннан, за ним — Леббок и многие другие в понятие этого «коммунального брака» вкладывали абсурдную идею, что на данной стадии женщины «принадлежали» всем или составляли «общее достояние» или «общую собственность». Нелепейшим образом это положение связывалось с якобы изображением первобытного коммунизма: как все блага, так и женщины якобы были «общим достоянием». И вот, весь этот грубо извращавший и фактическую сторону, и сущность первобытных отношений клубок нелепостей, причем термины «гетеризм» и «коммунальный брак» часто отождествлялись, был приписан Бахофену, сделавшись в передачах его учения изображением «сущности» матриархата и довольно широко вошел в обращение в литературе того времени, сказывается, впрочем, иногда и в наши дни.

Другой, не Бахофеном созданный, идущий еще из античности, но Бахофеном воспринятый и примененный, термин — гетерократия — оказался также неудачным. Бахофен применял его не для какого-либо различия, наряду со своими терминами «интервенсивное право», «матернитет» и проч. Между тем, термин этот был принят как обозначаю-

¹⁷ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 28.

или «матриархальную» или, во всяком случае, определенно выраженную общественную власть женщины при матриархате. Ряд «интерпретаторов» Бахофена, не желая или не умея вникнуть в его глубоко историческое понимание матриархата, как развивающегося этапа первобытной истории, неправильно толкуя самый, действительно неудачно примененный термин, выставляли дело так, будто бахофенов матриархат был эпохой обязательного и притом полного господства или «власти» женщин.

Вот эти два термина и вместе с тем два представления о матриархате, к которым в изображении многих толкователей Бахофена сводилась сущность матриархата, которые как бы отождествлялись с матриархатом, явились теми искажениями, которые широко распространились при передаче взглядов Бахофена. То и другое, либо в отдельности, либо своеобразно сочетаясь, стало трафаретным изображением как учения Бахофена, так и сущности матриархата и, надо сказать, немало и серьезным образом повредило Бахофену. По крайней мере, возражения и критика Бахофена в литературе того времени были преимущественно направлены на эти две приписываемые Бахофену позиции: «гетеризм», став неким пугалом для буржуазных авторов, просто отрицался и опровергался во имя восстановления морального реноме человеческого прошлого, хотя бы и весьма отдаленного, «гинекократия» — как не подтверждаемая историческими и этнографическими данными. При этом, тогда как «гетеризм» многими авторами все же признавался, «гинекократия» вызвала особые протесты и, в противовес ей, признание получала только материнская филиация.

Но более существенная, основная причина непризнания Бахофена лежит глубже. Это — совершенная неприемлемость его учения для поглощающего большинства представителей зарубежной буржуазной мысли с точки зрения идеологической. При господстве вполне отвечавшей этой идеологии «патриархальной теории» учение Бахофена о матриархате, как универсальной стадии исторического развития человеческого общества, было положением совершенно неприемлемым. И это в особенности в том освещении матриархата, которое создавалось указанными искажениями, с «гетеризмом» или «гинекократией». Совершенно недопустимым в особенности представлялось предположение, что бахофенов матриархат может быть отнесен и к прошлому «благородных» «арийских» народов. Вспомним, что в ту же эпоху начала распространяться и расовая теория. Отсюда, если матриархат отдельными авторами в том или ином виде, в частности в виде матрилинейного счета, и принимался, то только не для «арийцев» и, — в ту пору, — также и не для семитов, не для «белых», а если уж на то пошло, то лишь для «цветных» народов. Отсюда — создавшаяся своеобразная теория «не-арийского матриархата».

Наконец, то содержащееся в учении Бахофена освещение матриархата, которое теснейшим образом связывало этот строй с первобытным коммунизмом (у него, конечно, без нелепого отождествления женщины с имуществом!), которое вводило в характеристику матриархата, говоря его словами, «всеобщее братство всех людей», «принцип всеобщей свободы и равенства... в качестве основной черты», его формула: «по материнскому праву все люди равно свободны», — все это решительным образом отвращало буржуазную мысль от этого строя, этого учения, этого представления об общественном прошлом человечества.

Так, в целом высокопрогрессивная, можно сказать, революционная, сущность учения великого швейцарца явилась для классовой мысли естественным препятствием к его признанию.

Таковы те, как видим, многообразные, сложные и глубокие причины, которые обусловили на протяжении указанного нами времени, от

выхода в свет «Материнского права» в 1861 г. и до 1884 г., до Энгельса, в значительной мере действующее и по сей час, непризнание Бахофена и его учения за рубежом.

Обращаемся теперь к историографии учения Бахофена в России.

II

Учение Бахофена стало известно, распространилось и со стороны ряда представителей прогрессивной мысли получило признание гораздо раньше в России, чем в Западной Европе и вообще за рубежом.

Начать однако с того, что и в России, как и за рубежом, Бахофен имел своих, неведомых ему, предтеч.

В 1848 году, известный юрист и историк, выдающийся общественный деятель, Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885), в напечатанной им обширной статье-разборе вышедшего в том же году, ставшего затем широко известным, сочинения А. Терещенко «Быт русского народа», констатируя противоречивые черты, которыми рисуется положение женщины в первобытную эпоху, писал: «Соображая эти резкие противоположности, мы выводим из них вот что: в первоначальном быту, управляемом естественными, природными, а не нравственными законами, физиологическое назначение женщины быть женой, матерью, должно было выдаваться очень ярко и играть важную роль в определении общественного положения женского пола». Возражая вместе с тем против взгляда, будто женщина в «первобытной славянской семье» была рабой и проч., и указывая на противоречия и этому утверждению показания источников, Кавелин вновь заключал: «Мнение, что женский пол есть слабейший, не вполне оправдывается историей, а потому не может быть принято за аксиому в исторических исследованиях о женщине». Анализируя в той же работе древние семейные и брачные обычаи восточных славян, Кавелин отметил некоторые особенности: отсутствие в архаической большой семье строгого подчинения домохозяев главе этой семьи и пассивную роль отца в свадьбе его детей, наряду с тем — отраженное в свадебных обрядах большое влияние брата на судьбу своей сестры, странную роль жениха в восточно-славянском свадебном обряде «ловли жениха», не находя однако объяснения этим фактам и называя даже роль брата в свадебном ритуале «загадкой»¹⁸

В 1850 году вышла монография киевского историка Виталия Яковлевича Шульгина (1822—1878) «О состоянии женщин в России до Петра Великого». Вслед за Кавелиным и Шульгин констатирует, что «в языческом быту славян и руссов мы находим, что все сферы жизни открыты женщине, она пользуется свободой в первобытном, еще не установившемся обществе». Анализируя в свою очередь русские свадебные обряды и песни в качестве условного источника для восстановления архаического состояния брака на Руси, Шульгин приходит к следующим выводам: «Древнейшей формой брачного союза, которую, смотря с нашей точки зрения, можно назвать отсутствием брака, было общение жен (*coniugia communia*)... Впоследствии... развились две другие формы брака: многоженство и последовательно сменявшиеся, временные супружества: первое было господствующим у родов владельцев, второе — в простом народе, не имевшем материальных средств содержать несколько жен»: — формулировка, в которой Шульгин, можно сказать, предвосхищая Бахофена и Моргана, замечает ран-

¹⁸ «Современник», 1848, 9—12; перепечатано в кн. К. Д. Кавелин. Сочинения, т. IV, М., 1859; то же — новое издание: Собрание сочинений, т. IV, Этнография и правоведение, СПб., 1900.— Оценку Кавелина, вышедшего все права на выдающееся место в истории этнографии, указавшего, между прочим, задолго до Тэйлора, на метод пережитков, см.: М. И. Кулишер, Кавелин и русская этнография, «Вестник Европы», 1885, 8.

нию историко-брака с двумя последовательными ступенями: неупорядоченными отношениями или групповым браком и сменяющим его парным браком. Очень хорошо у него и это различие брака в среде «свободствующих» и «простого народа», с отнесением многоженства только к среде первых. Отметим еще у Шульгина, что, говоря далее о переходе от брака умычкой к покупному, он первый объяснил вену как компенсацию семьи женщины за утрату этой семьей работницы и одновременно как плату за приобретение таковой мужем,— объяснение, ставшее впоследствии широко распространенным¹⁹.

В 1864 году вышла работа петербургского историка Александра Васильевича Добрякова (1841—1908) «Русская женщина в домонгольский период». Начав с указания на глубоко-разрушающее влияние монгольского ига на общественную жизнь Руси, Добряков отмечает: «В это-то время и создается тот мрачный образ русской женщины, который у некоторых отечественных исследователей принят за общий тип женщины древней Руси». Совершенно иную картину видит и рисует автор для до-татарского прошлого. Привлекая довольно обширный и оригинальный материал по летописи, «житиям святых», церковным и правовым памятникам и анализируя брачные и семейные порядки, Добряков находит здесь ряд черт, характеризующих свободное и независимое положение русской женщины: наряду с практикуемой умычкой, непочность брака и его расторжение по воле женщины, положение и роль женщины как главы дома, имущественные права женщины, значение матери и отношение к ней сыновей, связь замужней женщины со своим родным домом, почетное положение вдовы и проч. Особо подчеркивает автор веру в «вещую силу» женщины, ее культовую роль и ее значение как врачевательницы. В отдельной, заключительной главе «Женщины былин» автор, анализируя русский эпос, находит и здесь отражение всех обнаруженных им в письменных памятниках элементов положения женщины, впервые, насколько мы знаем, в русской литературе обратив внимание на героический образ русских былинных богатырей — «удалых полениц», нередко превосходящих своей силой и храбростью богатырей, вступающих с ними в состязание или единоборство и побеждающих их. Обратил внимание Добряков и на то, что все богатыри и богатырши воспитываются матерями, но не отцами. Оригинальная, насыщенная материалом, работа Добрякова сохраняет интерес и значение по сей час.²⁰

Таковы, насколько мы могли розыскать, три выступления русских ученых, относящиеся к добахофеновскому периоду (работа Добрякова вышла после выхода «Материнского права», но не носит никаких следов знакомства автора с Бахофеном). Так, совершенно самостоятельно русскими историками было создано оригинальное представление о свободном, независимом и нередко почетном положении русской и славянской вообще женщины в отдаленном, «первобытном» прошлом, представление по тому времени далеко незаурядное. Как увидим, взгляд этот оказал затем значительное влияние.

Первым,— опять таки, насколько мы смогли проследить,— кто в России не только оказался знакомым с учением Бахофена, но и в широкой мере принял это учение, был известный в свое время историк-публицист Серафим Серафимович Шашков (1841—1882).

В 1869 году, в статье под заглавием «Исторические судьбы женщины», Шашков, основываясь на всех новейших работах по истории брака и семьи, дал общий очерк первобытного состояния женщины и полностью присоединился ко всей схеме Бахофена, вместе с признанием

¹⁹ В. Шульгин, О состоянии женщин в России до Петра Великого, вып. I. Киев. 1850: дальнейших выпусков не появлялось.

²⁰ А. Добряков, Русская женщина в домонгольский период, СПб, 1864.— Работа эта вызвала в современной печати длинный ряд отзывов.

«известной доли исторической действительности» за преданием об амазонках. Исходя из этого представления о первобытности, Шашков выставил положение, что исторические судьбы женщины сводятся не к прогрессу, а к регрессу²¹. В более поздней своей работе на тему о первобытной культуре, в частности истории брака и семьи, Шашков еще раз развил свои взгляды в духе учения Бахофена²². Наконец, в еще одной работе, посвященной истории русской женщины и составляющей продолжение или дополнение его вышеназванной первой работы, Шашков, отправляясь от своего тезиса, что женщина в первобытном обществе была «гораздо более свободнее и влиятельнее, чем в дальнейшем», иллюстрирует это положение и на истории древних славян. Охарактеризовав здесь ряд черт, уже отмеченных его предшественниками по разработке данной темы, привлекая и кой-какой новый материал, Шашков сосредоточивается затем на обрисовке перехода к новым, патриархальным отношениям и радикального изменения в положении женщины²³.

В 1872 году известный народник Петр Лаврович Лавров (1823—1900) печатает (под одним из своих псевдонимов — П. Кедров), с целью, как он указывает, «познакомить читателя», обзор новых иностранных сочинений по первобытной истории, в частности по истории брака и семьи, где излагает взгляды Бахофена, Мак Леннана, Моргана, Леббока, Мэна и Дарвина. Впрочем, сведения о Бахофене, как и о Моргане, Лавров заимствует, повидимому, только из писаний Леббока.²⁴

Обширное и основательное, основанное на непосредственном изучении почти всех работ Бахофена, изложение и применение его идей и взглядов дал в 1873 году знаменитый филолог и историк литературы и искусства Федор Иванович Буслаев (1818—1897) в своей работе о сравнительном изучении народного быта на основе фольклорного материала. Посвятив три главы (гл. VIII—X) этой работы учению Бахофена, изложив не только историческую сторону этого учения, но и соответствующую религиозно-философскую концепцию швейцарского ученого, остановившись не только на «Материнском праве», но и довольно подробно на «Предании о Танахвиль», Буслаев признал матриархат универсально-историческим этапом общественного развития. Обратившись в свою очередь к славянской теме в исследовании матриархата, Буслаев также указал на ряд отраженных в памятниках славянского прошлого пережитков матриархата, в частности на различие славянских терминов родства по материнской и отцовской линиям. Обратив внимание, вслед за Добряковым, на то место, которое в былинах занимает мать богатыря, «матера-вдова», Буслаев отметил, что отец богатыря в былинах в сущности отсутствует. «В упорном замалчивании,— писал он,— русских былин об отце героя — до некоторой степени позволительно видеть след того первобытного порядка вещей, когда дети преимущественно принадлежали матери. Наконец, оригинальное истолкование дал Буслаев летописному образу княгини Ольги, указав на элементы матриархальной традиции в обрисовке этого об-

²¹ С. С. Шашков. Исторические судьбы женщины, «Дело», 1869, 9—12; то же в расширенном виде: Исторические судьбы женщины, действительности и преступности. СПб, 1871; 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб, 1872; перепечатано в его «Собрании сочинений», 2 тт. СПб, 1898; см. т. 1.

²² С. С. Шашков. Очерки первобытной жизни и брака. «Дело», 1877, 1—2, 7; см. гл. V, «Брак и семья», в № 2.

²³ С. С. Шашков. Главные эпохи в истории русской женщины. «Дело», 1871, 1—4, в исправленном и значительно дополненном виде: С. С. Шашков. История русской женщины. СПб, 1879; перепечатано в «Собрании сочинений», т. 1.

²⁴ П. Кедров. Первобытная форма брака. «Дело», 1872, 2.

раза позволило и сблизив русскую Ольгу с чешской Любушей и польской Вандой²⁵.

Влияние Бахофена, как и всего нового учения о первобытности, оказалось и в специальном исследовании выдающегося филолога Всеволода Федоровича Миллера (1848—1913) на темы древнеиндийской мифологии. Основательно знакомый со всей новой литературой по первобытной истории, — он цитирует Моргана, Бахофена, Мак Ленса, Леббока, Жиро-Телона и Поста, — Миллер отказался от традиционной точки зрения на общество и семью веддийского периода и характеризовал отражение некоторых матриархальных начал в литературных памятниках древней Индии²⁶.

Не чуждым оказался нашим темам и известный публицист-народник Николай Константинович Михайловский (1842—1904). Во втором из своих, произведших в свое время большое впечатление, социологических очерков, под общим заглавием «Борьба за индивидуальность», посвященном вопросам семьи, Михайловский остановился довольно подробно на новом учении о развитии брака и семьи. Дав общий очерк этого учения в том виде, в каком оно к тому времени циркулировало, в виде компиляции из взглядов Бахофена, Моргана и Леббока, Михайловский особо подчеркнул заслугу Бахофена, как создателя этого учения и автора «замечательного сочинения» — «Материнского права»²⁷.

В 1877 г. молодой московский юрист Александр Григорьевич Смирнов (1854—1888) напечатал обстоятельную, основанную на обширном литературном материале, а частично и на личных сборах, работу о семейных отношениях по обычному русскому праву. В ряде отношений работа эта является выдающейся. Это — прежде всего, первое обобщающее исследование по русскому обычному праву²⁸. Вместе с тем, это не только первое, но и донныне остающееся единственным, обобщающее описание и исследование брачных и свадебных обычаев, первое в русской, да и мировой литературе широкое обращение к свадебному циклу, как к историческому источнику²⁹.

Поставив своей целью «рассмотреть с исторической точки зрения обычаи и понятия русского народа в сфере семейных отношений и изобразить современное их состояние», Смирнов первый в русской этнографической науке широко применил в исследовании брачных и свадебных обычаев сравнительный метод, обнаружив вместе с тем весьма четкое понимание основания, сущности и границ применения этого метода. «Сознание того кажется несомненного факта, — писал Смирнов, — что народы в своем первоначальном развитии переживают общие исторические моменты, дало мне основание явления нашего народного быта, относящиеся к той или другой исторической эпохе, со-

²⁵ Ф. И. Буслаев. Сравнительное изучение народного быта и поэзии, «Русский вестник», 1872, 10; 1873, 1 и 4; см. гл. VIII—X, 1873 г., № 1; эта работа не вошла в трехтомное собрание сочинений Буслаева: СПб., 1908 — Ленинград, 1930, незаслуженно оставшись таким образом непереизданной.

²⁶ В. Ф. Миллер. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, I, Асвины-диоскуры, М., 1876.

²⁷ Н. К. Михайловский. Борьба за индивидуальность (Социологические очерки), II, Семья, «Отечественные записки», 1876, 1, 3; перепечатано в его «Собрании сочинений», т. I; существуют три издания.

²⁸ В качестве предшественника Смирнова можно назвать только Н. В. Калайда с его статьей «Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях», «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1859, 2.

²⁹ И здесь в качестве предшественников Смирнова можно назвать писавших в том же направлении, однако в неизмеримо меньшем масштабе, вышеупомянутых Калайду и Шильгина, а также известного историка русской литературы Ореста Федоровича Миллера (1833—1889), давшего небольшой анализ свадебной поэзии и свадебных обычаев в О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I, гл. I. От древнейших времен до татарщины, издание 2, переделанное в 1865 г. СПб. 1865; см. стр. 100—127.

поставить с аналогическими явлениями в жизни других народов, стоящих на ступенях развития, соответствующих тем историческим периодам к которым принадлежат по своему происхождению те или другие явления нашего народного быта»...

В характеристике наиболее раннего состояния брака и семьи Смирнов не самостоятелен и в значительной мере следует за Леббоком и Жиро-Телоном. Зная о Бахофене, повидимому, по этим источникам, а также по Буслаеву, на которого он, говоря о Бахофене, ссылается, Смирнов возражает против предположения о «генекократии» и, вслед за теми же Леббоком и Жиро-Телоном, «случай» преобладающего положения женщины связывает с матрилокальным поселением. И все же, влияние идей Бахофена сказывается у Смирнова неоднократно. Со всей определенностью принимает Смирнов «допатриархальное состояние», в котором «семья как союз отца и детей еще не сложилась», в котором во всяком случае не существовало власти или главенства мужа. «Первые формы семьи,— говорит он,— образуются таким образом, что в центре семьи стоит женщина как мать».

Эти положения автор иллюстрирует и отсюда выводит ряд пережиточных явлений, интерпретируя их таким образом большей частью впервые и притом весьма удачно. Так, Смирнов отметил инициативу женщины в браке, как черту, характерную для архаической эпохи (в противоположность позднему порядку инициативы со стороны мужчины), ссылаясь как на богатырш нашего эпоса, так и на женщин-героинь русских сказок. Сюда же отнес Смирнов восточно-славянский свадебный обряд «ловли жениха». Беря отраженные в русском свадебном цикле моменты обрядовой борьбы между невестой и женихом и борьбы за «болшину», за господство в супружеской жизни, автор удачно отнес эти мотивы к переходу от архаических порядков к браку, в котором главенство принадлежит мужчине, сделав при этом интересное обобщающее замечание, что «у нас народному сознанию преобладание мужа над женой никогда не казалось непреложным и неизменным, как-бы роковым условием брачной жизни». В той же связи еще раз обратил внимание Смирнов на замечательные образы богатырш. Правда, Смирнов давал весьма ограниченное толкование этим образам, объясняя победы богатырш над богатырями только преобладанием их физической силы. Из архаических же истоков выводил Смирнов первенствующую роль матери при заключении брака своих детей, наряду с тем и отмеченные Кавелиным, но необъясненные им черты: пассивную роль в этом отношении отца и активную роль брата невесты.

Мы не приводим ряда иных, к другим сторонам истории брака и семьи относящихся, интересных и плодотворных обобщений и интерпретаций автора.

Работа Смирнова содержит, конечно, по времени своего написания, ряд положений устарелых и толкований неудачных, однако, не только как собрание материала, но и удачными своими обобщениями она остается поныне интересной и ценной, имея все права на достойное место в истории нашей науки.³⁰

Влияние Бахофена на русских полевых этнографов естественным образом не могло сказаться так скоро. Несомненное значение имел в

³⁰ А. Смирнов. Очерки семейных отношений во обычаи племени русского народа, «Юридический вестник», 1877, 1—12; отдельные Моск. 1877; ~~предисловие~~ этого «Очерка» являются последующие статьи автора: «Народные способы заключения брака», там же, 1878, 5, и «Обычаи и образы русской народной свадьбы», там же, 1878, 7. Данная работа Смирнова осталась незамеченной или известна из ряда его замечаний и ссылок. Автор предпринял также целый ряд работ о «Очерков».— Мы, к сожалению, не могли найти других сведений об этом авторе. В конце 70-х годов его имя фигурирует в протоколе Московского городского общества и Отдела этнографии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, как докладчик в деле в числе присутствующих.

этом отношении доклад тогдашнего председателя руководящего центра русской этнографии того времени — Отделения этнографии Русского Географического общества, известного историка литературы, Леонида Николаевича Майкова (1839—1900), напечатанный в 1874 г. в «Известиях» этого Общества. Используя вышеупомянутый доклад Жиро-Тажоа, появившийся в журнале парижского Географического общества, Майков поставил и перед русскими этнографами задачу собирания материала о различных формах семьи и родства, в частности по матриархату. Указывая на ряд новых работ по первобытной истории и ссылаясь в частности на Бахофена и Буслаева, Майков присоединился к допущению связи матрилинейного счета происхождения и родства с «преобладанием материнского принципа в ранних общественных отношениях». Ряд соответствующих пережиточных явлений, — говорил Майков, — хранит быт как русского народа, так и «инородцев». Для руководства при собирании данного материала Майков предложил небольшую программу в 14 вопросов в качестве дополнения к изданной ранее Русским Географическим обществом «Программе для собирания народных юридических обычаев». Здесь же Майков привел и небольшой список существующей литературы предмета³¹.

Таков ряд имевших место в русской литературе 70-х годов прошлого века выступлений, отражающих знакомство русской науки с Бахофеном и его влияние.

Единственным, насколько мы могли установить, относящимся к тому же времени выступлением против Бахофена является небольшая и совершенно незначительная статейка реакционного московского юриста, известного славянофила, Василия Николаевича Лешкова (1810—1881). Выступая по поводу вышеназванной работы Буслаева, Лешков пытается критиковать Бахофена, о котором знает только по Буслаеву, в основном же возражает против предложенного Буслаевым толкования отдельных мест Начальной летописи.³²

Встречаются, конечно, — однако, в качестве крайней редкости, — в русской литературе того же десятилетия и выступления прямых представителей патриархальной теории, правда, обнаруживающих полное незнание как вообще с новым учением о первобытности, так и с уже существующей русской литературой по этому предмету. Выступления эти настолько незначительны и в такой мере остаются без влияния, что могут быть упомянуты только в порядке библиографическом.³³

III

С конца 70-х и с начала 80-х годов прошлого века влияние Бахофена сливается в русской общественно-исторической науке с влиянием другого гегемона первобытной истории — Моргана. Замечательно и здесь, что в то время, как на Западе и Морган остается в течение некоторого времени, — в свою очередь до знаменательного признания его Марксом и Энгельсом, до того же 1884 г., — неизвестным или малоизвестным и точно так же искажаемым, учение великого американца становится известным, получает распространение и признание в России. И здесь русская наука и по времени, и по существу дела в значительной мере опережает западно-европейскую.

³¹ Л. Н. Майков. Об изучении систем родственной связи и форм семейного быта, «Известия Русского Географического общества», 10, 1874, 5.

³² В. Лешков. Заметка о первобытных правах женщин, по теории Бахофена, «Рус. Вестник», янв. 1873, стат. г. Профессора Ф. И. Буслаева: «Сравнит. изучение народного быта и поэзии», «Юридический вестник», 1873, 12.

³³ Впрочем, мы можем назвать здесь только статьи юриста Д. Азаревича: «Брежные элементы и их значение, Историко-юридическое исследование», «Временник Донского Юридического лицея», 18, 1879; Русский брак, «Журнал гражданского и уголовного права», 1880, 5—6.

Ограничивая нашу тему вопросом о влиянии Бахофена, мы встречаемся с некоторой трудностью выделить только влияние швейцарского ученого. Остановимся притом лишь на наиболее значительных литературных явлениях.

Необходимо напомнить, что влияние Бахофена, испытанное самим Морганом, состояло в том, что Морган соединил бахофенову идею матриархата со своей идеей рода, как всеобщей ступени общественно-го развития и как воплощения первобытно-общинных отношений, образовав таким образом понятие материнского рода и материнского родового строя, предшествующего отцовскому роду. Поскольку у Бахофена понятие рода не участвовало в его схеме, это новое морганиво построение явилось решающим усовершенствованием общей схемы первобытной истории, и матриархат получил отныне свое полное общественно-историческое содержание³⁴.

Именно в бахофено-морганизовском истолковании полностью и глубоко усвоил учение о матриархате историк права, профессор сначала Демидовского Юридического лицея в Ярославле, затем, — Новороссийского университета в Одессе, Владимир Викторович Соколовский (род. в 1848 г.). Своей работе «К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев» Соколовский предпослал общий очерк состояния вопроса о роде и семье в современной литературе. Обнаружив хорошее знакомство со всеми значительными в данной области публикациями и особо выделив Бахофена, как наиболее владеющего материалом, Соколовский подверг пространной и основательной критике представителей патриархальной теории и отбросил положение этой теории о патриархальной семье, как исходной форме. Решительной критике подверг автор и то утверждение, по которому у «арийцев» в прошлом, насколько это прошлое известно, во всяком случае, с самой отдаленной древности, существовала патриархальная семья. Именно с целью опровергнуть это утверждение и предпринял автор данное свое исследование.

Обратившись затем к кельтам и германцам и подвергнув анализу ряд правовых памятников их прошлого, Соколовский впервые в науке, на обильном материале, развернул широкую картину отражения в этих памятниках длинного ряда элементов доиндивидуальной семьи и материнского или, — по вошедшему тогда в употребление, заимствованному от латинского, термину, — когнатического рода. Соколовский отнес сюда неисключительность и непрочность брака, сохранение замужней женщиной в различных формах связи со своим родом, защиту замужней со стороны ее рода, различие памятниками двух форм брака: с *tundium* (властью) мужа и без *tundium*, особенности взаимоотношений родителей и детей, в частности, ограниченность власти отца, действие матрилинейного родства, участие материнского рода в исковеннии мести, в получении уголовного выкупа и в опеке, *матрилинейное* наследование и пр.

Убедительно демонстрировав таким образом стойкую сохранность у кельтов и германцев разносторонних элементов материнского права, автор имел полное основание сделать вывод, что «в праве кельтов и германцев есть несомненные указания на то, что эти народы некогда прошли те низшие степени развития, которые прошли в оставшее человечество» и, — беря шире, — что «семья и род у арийских народов в своем образовании и дальнейшем развитии следовали тем же законам, по которым свершалось образование и развитие семьи и рода в человечестве вообще»³⁵.

³⁴ См. об этом еще в нашей работе о Моргане.

³⁵ В. Соколовский. К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев. «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, 4 и 7.

Научное значение и влияние работы Сокольского должно было быть чрезвычайно велико. Вспомним о господстве «патриархальной теории» в этой своей рода «теории» «не-арийского матриархата»: той же работой русского ученого наносила сокрушающий удар. Но такая печальная судьба не малого числа научных достижений дореволюционной России: эта работа осталась совершенно неизвестной за рубежом и не оказала там никакого влияния.

Между тем, два года спустя после напечатания работы Сокольского, выпустил небольшую книжку под заглавием «Материнское право и положение и их пережитки в германском праве и быту» тогда доцент, впоследствии профессор Краковского университета Лотар Даргун. Испытав в свою очередь влияние Бахофена, Даргун также дает общий обзор сведений об универсальном, в частности, и у древних «арийцев», распространении материнского права, сосредоточившись затем на характеристике, на основе анализа правовых памятников и эпоса, элементов материнского права у германских народов. Большая часть этих тем совпадает с темами Сокольского и примерно так же интерпретируется. И Даргун заканчивает выводом, что германские племена «прошли тот же нормальный путь развятия, по которому следовала преобладающая часть человечества».³⁶

Работа Даргуна произвела в свое время большое впечатление, оказала значительное влияние, неоднократно цитировалась, вызвала ряд попыток опровержения и пр. Между тем, работа Сокольского в ряде отношений выше по своим научным достоинствам, чем работа Даргуна. Прежде всего, русский ученый взял свою тему шире, чем краковский доцент, включив в поле своего исследования также и кельтов, что в данном случае не только имеет сравнительное значение, но и составляет исследовательскую необходимость. Дело в том, что древнее, так называемое «варварское», германское право тесно связано с кельтским правом, и в последовавшей, длящейся до сегодняшнего дня, дискуссии о пережитках матриархата у германцев вопрос этот всегда связывается с вопросом о тех же пережитках у кельтов. Работа Сокольского стоит на более высоком научном уровне, чем работа Даргуна, и потому, что последний, находясь в кругу представлений о матриархате только по Бахофену, остается чуждым понятию рода и о Моргане видимо еще совершенно не знает. Может быть поставлен вопрос о заимствовании краковским ученым у Сокольского, но прямых тому доказательств мы не находим: тема совпадает, совпадает и использование ряда источников и истолкование отдельных элементов; все же, общее построение работы иное, взят ряд новых вопросов, довольно широко привлечен, чего совершенно нет у Сокольского, сравнительный этнографический материал (правда, далеко не всегда удачно). Остается предположить, что все же тема исследования была навеяна Даргуну работой русского ученого.³⁷

Отметим в заключение, что представляя собой выдающийся труд для своего времени, данная работа Сокольского сохраняет свое научное значение и по сей час.

В. В. Сокольский является автором еще одной небольшой статьи, отражающей те же влияния и составляющей как бы дополнение или продолжение названной работы. Новая статья имела целью доказать

³⁶ L. Dargun. Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, hrgg. von G. Gierke, XVI), Breslau, 1883; unveränderter Neudruck: Breslau, 1935.

³⁷ Заметим, что «Журнал Министерства народного просвещения», в котором была напечатана работа Сокольского, был в те времена единственным русским журналом, посвященным гуманитарным наукам, и был широко известен в качестве авторитетного научного органа.

историческое существование материнского рода и соответствующие институты у народов Кавказа. Демонстрировав это положение на собранном им литературно-этнографическом материале, Сокольский дал и здесь ряд удачных частных толкований; так, с полным основанием отнес автор к области материнского права распространенный на Кавказе обычай, по которому замужняя женщина, с наступлением родов, возвращается в свой родительский дом. Из примечания автора видно, что он в той же связи обратил внимание на кавказский обычай аталычества и собирался посвятить этому вопросу специальную статью. Заслуживает особого упоминания содержащаяся в данной статье, редкостная для того времени, едва ли не первая в этнографической литературе, критика объяснения этнографических явлений «заимствованием».³⁸ Эта вторая работа Сокольского может быть отмечена сверх того и как первый в кавказоведческой литературе опыт обобщения этнографического материала и вместе с тем как первая постановка и первое исследование вопроса о пережитках матриархата у народов Кавказа. Таким образом, с полным основанием Сокольский должен считаться в данной области предшественником, правда, единственным, М. М. Ковалевского³⁹.

В том же бахофено-моргановском духе воспринял новое учение о первобытности и учение о матриархате известный экономист, первый популяризатор марксизма в России, Николай Иванович Зибер (1844—1888). В своей выдающейся для того времени, сохраняющей и сейчас свое значение капитальной работе «Очерки первобытной экономической культуры» Зибер особую главу посвятил материнскому роду. Подвергнув основательной критике «патриархальную теорию» и решительно ее отвергнув, Зибер вместе с тем подверг критике и Леббока за его попытку ограничить сущность и значение матриархата. Охарактеризовав материнский родовой строй на основе собранного им обширного этнографического материала, Зибер подчеркнул и иллюстрировал тезис Бахофена о свойственном матриархату первобытному коммунизме. Очень удачно и правильно, впервые в науке, объяснил Зибер наличие в данном конкретном обществе одновременно матриархальных и патриархальных начал переходным состоянием этого общества и происходящей или происшедшей сменой двух исторических порядков, — положение, которое до сегодняшнего дня никак не могут или не хотят усвоить буржуазные этнографы. Крупнейшее значение имеет впервые выставленный Зибером общий тезис, что род вообще является «прежде всего экономической, а потом родовой организацией», тезис подлинно марксистский, в свою очередь чуждый зарубежной науке, являющийся сейчас для советской этнографии руководящим в исследовании рода. Зибер и подчеркнул задачу экономического исследования рода как очередную, однако в трактовке материнского рода, к сожалению, не развил этого тезиса, повторив лишь те общие положения о функциях рода, которые были выставлены Морганом⁴⁰.

Выдающаяся для своего времени работу представляет собой исследова-

³⁸ В. Сокольский. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев, «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, II.

³⁹ Обращаем внимание интересующихся еще на одну, весьма важную работу В. В. Сокольского: «О значении вешателей права в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев», Ярославль, 1875, работу в своей очерке далеко незначительную, к тому же остающуюся и по сей день, так же ошибочной, идеалистическим специальным на эту тему исследованием в мировой литературе. — Как отмечено в одной из предшествующих ссылок, книга Дарвина была недавно переиздана. Тем более заслуживают переиздания все работы Сокольского.

⁴⁰ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, СПб, 1883 (предисловие автора датировано 1881 годом); 2-е издание, исправленное, СПб, 1899; 3-е издание, с вступительной статьей М. Е. Сазонова, Одесса, 1923; новое издание, с предисловием П. И. Кушнера, М., 1937.

дованье права-родства, профессора Петербургского университета Василия Владимировича Ефимова (1857—1902), «Очерк по истории древне-римского родства и наследования». Сочинение это состоит из двух в значительной мере отдельных частей, озаглавленных: «О материнстве в древнем мире» и «Начальная история наследования без завещания». Выказывая хорошее знакомство с новой литературой по первобытной истории, Бахофеном, Морганом и другими авторами, Ефимов в первой части своей книги дает сначала обзор, или, как он выражается, «конспект», исследований о первобытной семье вообще, а затем обращается к характеристике «допатриархального» быта древнего Рима. Указав, что под влиянием новых взглядов на историю семьи «уже заметно пошатнулось убеждение в том, что древне-римская агнатическая семья представляла собой настоящий образчик самого примитивного брачного союза», Ефимов как для первобытности вообще, так и для древнего Рима, воздерживается от признания «гинекократии», но признает «допатриархальный период», начальную матрилинейную филиацию или «материнство» и проч. Это положение автор иллюстрирует для древнего Рима характеристикой целого ряда исторических и правовых явлений, частично следуя здесь за Бахофеном, частично обращая внимание и на новые факты и давая собственные интерпретации. С начальным матриархатом связывает Ефимов и ряд правовых моментов древне-римского наследования без завещания, чему посвящена, как сказано, вторая часть его книги. Таким порядком у автора получается весьма содержательный очерк правовых пережитков матриархата в древнем Риме, сохраняющий свой интерес и свое научное значение и по сей час, тем более, что, после Бахофена, исследование на данную тему Ефимова остается, если не ошибаемся, единственным в своем роде и поныне.⁴¹

Особого места в нашем обзоре заслуживает знаменитый ученый, юрист, историк и этнограф, Максим Максимович Ковалевский (1851—1916).

В широком кругу его разнообразных научных интересов, приведших к основательным исследованиям, значительное место занимала первобытная история, а здесь, в частности — проблема матриархата, особо оживленно обсуждавшаяся как раз в ту пору, в конце 70-х годов прошлого века, когда Ковалевский вступил на научное поприще. Можно утверждать, и на то имеются прямые указания в его собственных высказываниях, что именно с целью проверить и обосновать складывавшиеся у него взгляды на раннее развитие общества и как раз на проблему матриархата совершил Ковалевский в 1883—1887 годах три этнографические поездки на Кавказ. Все же, не говоря об его общих взглядах по первобытной истории, в области проблемы матриархата Ковалевский оставался эклектиком, комбинируя взгляды Бахофена, Мак Леннана и Моргана. К тому же Ковалевский несколько раз менял здесь свои позиции.

В своей ранней работе «Первобытное право», подвергнув критике «патриархальную теорию» и виднейшего ее представителя — Мэна, Ковалевский присоединился к новому учению о первобытности, в частности, к учению о роде в том виде, в каком оно было создано Морганом, и первую главу своей работы посвятил «материнскому роду», остановившись в частности, — что имело по состоянию этого вопроса в ту пору особое значение, — на вопросе о превращении материнского рода в отцовский. Однако, не поняв Бахофена и последовав за создавшейся уже своего рода традицией, Ковалевский резко отверг «гинекократию». Заимствуя и здесь уже выставленное положение, Ковалев-

⁴¹ В. В. Ефимов. Очерки по истории древне-римского родства и наследования, СПб. 1883.

ский утверждал, что главой семьи в эпоху матриархата был все же мужчина — дядя или брат. Зато с большой настойчивостью проводил Ковалевский идею универсальности матриархата. Подчеркивая, что данная стадия не составляет особенности одних только отсталых народов, Ковалевский особо сосредоточился на доказательстве существования матриархата в прошлом у различных ветвей «арийцев»: греков и римлян (заимствуя материал у Бахофена, а для последних и у Ефимова), кельтов и германцев (используя Сокольского и Даргуна и, между прочим, отметив приоритет, принадлежащий з этому вопросу русскому ученому), у славян и др., ссылаясь и на свой кавказский материал и таким образом впервые вводя этот материал в трактовку общих вопросов первобытной истории⁴².

В изданных затем работах по этнографии Кавказа Ковалевский выделял элементы материнского права у отдельных народов или групп народов и в своей сводной работе «Закон и обычай на Кавказе», имея здесь предшественником Сокольского, посвятил матриархату особую главу. Тогда как в «Первобытном праве» он отвел широкое место начальным беспорядочным отношениям полов, за чем следует групповой брак, здесь Ковалевский резко отверг промискуитет и признал только групповой брак. Вновь отверг он и бахофеново «женовластие». Элементами обычного права Кавказа, которые Ковалевский относил к матриархату, он считал: экзогамию, групповой брак, преимущественное значение матрилинейного родства при определении родственной связи и порядка наследования, особое положение материнского дяди и брата, особые отношения между супругами и между родителями и детьми, «аталычество», порядок, по которому замужняя женщина проводит иногда годы в доме своих родителей, причем муж ее только посещает, да и то с соблюдением тайны. К этому Ковалевский присоединял распространенную на Кавказе амазонскую традицию, за которой готов был признать известную историческую реальность⁴³.

Значительное внимание уделил Ковалевский матриархату в прочитанном им в начале 1889 г. в Стокгольме, на французском языке, курсе по истории семьи и собственности, посвятив матриархату три лекции из пятнадцати всего курса. Повторяя и здесь свои ошибки, вновь протестуя против допущения начального промискуитета и проч., Ковалевский подверг здесь еще более резкой критике «патриархальную теорию» и со значительно большей силой сосредоточился на доказательстве существования матриархата в прошлом семитических и индо-европейских народов. «Семитические и арийские народы. — Формулировал Ковалевский свои выводы, — шли в своем общественном развитии тем же путем, что и другие расы. Так же, как океанийцы и краснокожие, они начали с периода матриархата... Необходимо... отказаться совершенно от мысли о какой бы то не было двойственности или существенном различии в развитии семьи между самыми цивилизованными представителями рода человеческого и дикими варварскими племенами»⁴⁴.

Имея своими предшественниками Ф. И. Буслаява и А. Г. Смирнова, используя их работы, но присоединяя и новый материал, не без оригинальности осветил Ковалевский тему о древне-славянском матри-

⁴² М. Ковалевский, Первобытное право, I. Род; II. Семья, М., 1886.

⁴³ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, 2 т., М., 1888; см. его же: Современный обычай и древний закон. Обычное право в историко-сравнительном освещении, 2 т., М., 1886. Глава «Матриархат» из «Закона и обычая» была переведена на французский язык: La famille matrilinéaire au Caucase. «Anthropologie», 1893.

⁴⁴ М. Kovalevsky, Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, Stockholm, 1890; переведено на итальянский и болгарский языки; новый русский перевод С. П. Моравского, под редакцией с предисловием и примечаниями М. О. Косвена, М., 1939.

архате в своем курсе, прочитанном в 1889—1890 acad. году, на английском языке, в Тейлоровском институте в Оксфорде, изданном затем под заглавием «Современные обычаи и древние законы России».

Но в особую заслугу надо поставить Ковалевскому то, что он выступил в Англии на родине Мэна, где тот оставался, как, между прочим, остается и по сей час, крупнейшим авторитетом по первобытной истории, где книги Мэна были приняты, как и до сего дня, в качестве обязательных университетских пособий,— со смелой критикой патриархальной теории, опровергая в частности высказанное Мэном утверждение, что древняя Россия и вообще славянские народы дают образцы господства на ранних ступенях их общественного развития патриархальной семьи. В опровержение этого Ковалевский дал обзор пережитков матриархата по русской летописи, фольклору и народным обычаям, проводя параллели и относительно других славянских народов. Резюмируя эту часть своего изложения, Ковалевский заявил, что, как он выразился, «теория матриархата находит себе солидный базис в прошлой истории русской семьи». ⁴⁵

Убежденным последователем Бахофена и Моргана явился совсем еще юный тогда украинский этнограф Володимир Юлианович Охримович (1870—1931). В 1891 году он выступил с работой «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи», которую посвятил Л. Г. Моргану ⁴⁶.

Работа эта состоит из двух частей: «Матриархат» и «Патриархат». Автор начинает, развивая тему, затронутую еще Морганом, с истолкования изображенной в Библии истории сватовства Исаака к Ревекке (Бытие, XXIV, 2—61) и, обнаруживая здесь элементы, существенно противоречащие патриархальному строю библейского общества, в частности роль в этом сватовстве матери и братьев констатирует отражение здесь матриархата. Перейдя затем к общему очерку истории брака и семьи и следуя схеме Моргана, Охримович формулирует общее положение: «Развитие семьи в своих основных чертах у всех народов шло более или менее одним и тем же путем. Матриархальное устройство прожили все народы... Это доказали своими исследованиями знаменитые ученые: Бахофен, Морган, Мак Леннан»... Постулировав, что «славяне также жили некогда в матриархальном быту», автор обращается к исследованию украинских преимущественно, частично и белорусских, свадебных обрядов и песен. Как сказано, первая часть работы Охримовича имеет темой матриархат, и здесь, на обширнейшем, эффективно интерпретированном материале, автор демонстрирует ряд пережиточно отложившихся элементов материнского права, центрирующихся вокруг роли в свадебном цикле матери молодых и брата невесты, в сравнении с ролью отца. Оригинально здесь в особенности истолкование совершаемых матерью ритуальных действий, как ее роли в качестве представительницы культа — жрицы. Во второй части своей работы Охримович показывает патриархальное превращение свадебного обряда и соответственное перемещение и изменение ролей свадебных персонажей. Таким образом Охримович, продолжая ставшую уже

⁴⁵ M. Kovalevsky. Modern customs and ancient laws of Russia, London, 1891; русский перевод первых двух (из шести всего курса) лекций под заглавием: «Этюды о современном обычае и древнем законе России»; этюд I, «Брачные обычаи и нравы русского народа и эволюция брака в их освещении»; этюд II, «О современной русской семье и главным образом о так называемой большой семье или семейной общине у великоруссов», «Всемирный вестник», 1903, 1—2; остальные четыре лекции остались непереуведенными. Повидимому, английский текст первой лекции Ковалевского представляет собой статья его: Marriage among the early slavs, «Folk-Lore», 1890, известная нам по ссылке, но оставшаяся недоступной.

⁴⁶ Между прочим, вместе с книгой Файсона и Хаунтта «Камиларии и курнаи» и «Английские письма» Бахофена,— при известных нам посвящения Моргану литературных произведений.

традиционной в нашей литературе славянскую тему в разработке проблемы матриархата, выразительным и убедительным образом продемонстрировал живучесть матриархальных пережитков в украинском народном быту и фольклоре. Талантливая работа молодого украинского ученого остается свежей по сей час, сохраняя обязательное значение в исследовании славянской свадьбы, как и истории брака и семьи вообще⁴⁷.

Как было сказано, во всей зарубежной литературе не появлялось и не существует до сих пор достоящего изложения учения Бахофена. И в этом отношении русская наука оказалась впереди.

В 1889 году публицист Николай Сергеевич Русанов (род. в 1859 г.) напечатал статью о Бахофене, в которой дал впервые биографию и характеристику учения великого швейцарца. Биографические данные о Бахофене автор, за полным отсутствием тогда этих данных в литературе, получил лично от Жиро-Телона, от сына Бахофена, а также от французского этнографа Эли Реклю, лично знавшего Бахофена. Таким образом, сообщаемые Русановым сведения сохранили значение первоисточника. Сообщив эти биографические сведения и дав перечень трудов Бахофена, автор набросал интересную характеристику личности швейцарского ученого, а затем дал общую характеристику его исторической концепции. Русанов не ограничился здесь передачей этой концепции, но и подверг ее своей критике, в частности справедливо раскритиковал бахофеново идеалистическое, на основе религии, истолкование матриархата. Наконец, автор присоединил сюда и характеристику того места, которое Бахофен занимает в истории науки, отметив впервые его предшественников и сопоставив швейцарского ученого с его современниками, выступавшими на те же темы. Статья Русанова, помимо того, что она, как сказано, является первой в литературе работой, посвященной Бахофену, надолго осталась и единственной и до сих пор сохраняет свой интерес.⁴⁸

IV

Мы закончили наш обзор в хронологических пределах 60—80 гг. прошлого века. Это — период истории русской гуманитарной науки, характеризующихся господством передовых, прогрессивных идей и те-

⁴⁷ В. Охримович, Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи, «Этнографическое обозрение», 1891, 4; 1892, 4. Отметим еще одну, в свою очередь ценную работу автора: Про останки первісного коменту у бойків-верховинців, «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 31 32, 1899. Приводим отсутствующие в литературе сведения об авторе. Это — личность весьма урядная. В. Ю. Охримович, уроженец горного села Велдич, в Карпатах, происходил по отцу и матери из старинного священнического рода карпатских бойков. Окончив в 1888 г. гимназию в Стрые, он учился в Львовском университете на философском и юридическом факультетах, но был исключен за участие в студенческом движении. В 1896 г. он сдал государственные экзамены на юридическом факультете и получил степень доктора прав. С юных лет Охримович начал произведение Маркса и Энгельса, а в студенческие годы посетил многие украинские писателей-этнографов — Коперницкого, Ивана Франка и Галущака. Сделавшись юристом, Охримович занимался адвокатурой, преимущественно же научно-литературной работой. Состоял действительным членом Наукового товарищества им. Шевченка, где был заведующим статистической, этнографической и исторической секции этнографической и членом правовой комиссии. Состоял также членом Украинского научного общества в Киеве. В 1917 г. Охримович читал курсы общей теории и философии права в Народном университете в Киеве, а в 1917—1924 гг. работал в подпольном Украинском университете в Львове, читая лекции на юридическом факультете и ведя курсы философии права в семинарии. Охримович оставил ряд печатных работ по этнографии, социологии, экономике и статистике. Приведенные сведения извлечены нами из «Свідчення любезно» кавказского нам. по вашей просьбе, ст. научным сотрудником Украинской Академии наук, фольклористом и этнографом М. М. Скорик (из Львова) автором прекрасной работы благодарности.

⁴⁸ Н. Русанов, Жизнь и сочинения Бахофена, «Русская мысль», 1889, 6.

чевый. Это вместе с тем и особый период истории русского общества, период расцвета русского либерализма и радикализма. Затем следуют 90-ые годы и начало XX века — период общественно-политической реакции, начавшейся впрочем еще в 80-х гг., сказавшейся позднее в области гуманитарной науки, в области и первобытной истории. Этой реакции в нашей науке мы коснемся ниже, сейчас обратимся к некоторым обобщениям и выводам, которые можно сделать из нашего обзора.

Надо прежде всего сказать, что тот весьма интенсивный интерес, который выказала русская наука к Бахофену и проблеме матриархата, является далеко не случайностью и составляет лишь одно из выражений общего и широкого интереса, неизменно в характеризующую нами эпоху поддерживавшегося в России ко всему вообще передовому, что создавала зарубежная наука, ко всем ценным в научном отношении и вместе с тем прогрессивным новинкам зарубежной научной литературы.

Объясняя то обстоятельство, что Чернышевский не знал произведений Маркса, Энгельс сослался на «интеллектуальный барьер, отделявший Россию от Западной Европы»⁴⁹. Выражение это во всяком случае не точно; можно говорить не об «интеллектуальном», а лишь о цензурном барьере, что в сущности и имел здесь очевидно в виду Энгельс. На деле, все новое, что появлялось за рубежом, в том числе и запрещаемое царской цензурой, становилось сравнительно быстро известным в России, подвергалось здесь отбору, а избранное получало распространение и признание. Так, в особенности в эту эпоху, поддерживалась созданная гением Петра традиция сознательного, критического внимания в отдельных областях — усвоения подлинно прогрессивных достижений западно-европейской культуры. В этом отношении русская наука отличалась от зарубежной науки отдельных стран, которая в то время не раз обнаруживает разобщенность: ученые одной страны в своих работах обнаруживают полное незнакомство с тем, что делается в другой стране, с литературой своего предмета, своей темы. Охарактеризованная нами литературная судьба Бахофена за рубежом — разительный и далеко не единственный тому пример. Между тем в России, русские ученые, и лично посещавшие зарубежные страны, — общеизвестна распространенность у нас в те времена научных поездок и командировок за-границу, — заводившие личные знакомства с иностранными учеными и внимательно следившие за иностранной литературой, были обычно довольно хорошо осведомлены о литературе, по крайней мере, по своей специальности. Это было и осталось традицией русской науки.

Но, обращаясь ближе к нашей теме, мы хотим сказать, что отмеченный нами интерес к проблеме матриархата входил в более широкий интерес к первобытной истории вообще, к тому новому учению о первобытности, которое стало складываться с середины XIX в., в частности к вопросам начальных общественных отношений, ранних форм брака и семьи. Все эти вопросы составляли предмет живейшего интереса со стороны русской научной и общественной мысли того времени. Наглядным свидетельством этого является та интенсивность, с которой в ту пору появляются в России переводы, рефераты, сводки или подробные отзывы на зарубежные литературные новинки по первобытной истории⁵⁰. Можно сказать, что все лучшие работы в данной области,

⁴⁹ В «Послесловии» к статье «Социальные отношения в России»; см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 389.

⁵⁰ В 1868 г. появляется перевод, под редакцией Ф. Мильгаузена, раннего, вышедшего в 1865 г. сочинения Тэйлора «Доисторический быт». В 1870 г. в журнале «Знание» (№ 1) географ и антрополог Д. А. Коропчевский излагает в статье «Начало цивилизации. Происхождение брака и семьи» вышедшее в том же году сочинение Лаббека «Начало цивилизации», с некоторыми добавлениями из Бастиана

какие за это время появлялись за рубежом, переводились или излагались в России, притом преимущественно довольно скоро после их появления. Редакторами переводов и авторами рефератов были незаурядные ученые. Замечательно, что сочинения, не стоящие на высоком научном уровне, а также сочинения, реакционно направленные, не переводятся и не находят отклика в России⁵¹. Столь интенсивное появление этих переводов и рефератов, если учесть еще и перечисленный выше ряд оригинальных работ русских авторов, то обстоятельство, что соответствующие статьи охотно печатались в наших общих, так называемых «толстых», журналах того времени, являвшихся в свою очередь активными проводниками прогрессивных идей,— все это ярко свидетельствует о том, что интерес к вопросам первобытности в их новом освещении не ограничивался у нас сравнительно узким кругом ученых-специалистов, но свойственен был и широкой массе русской читающей публики. Справедливость требует отметить заслугу в популяризации этих знаний Дмитрия Андреевича Коропчевского (1842—1903).

Возвращаясь теперь к непосредственной нашей теме — влиянию в России Бахофена, мы можем, в свете выше охарактеризованного положения его в зарубежной науке, констатировать.

Бахофен стал известен и получил признание впервые в России, и первым его последователем надо признать русского ученого — С. С. Шашкова. Если, — с очень большой натяжкой, — первым за рубежом последователем Бахофена допустимо считать Жиро-Телона с его работой 1874 г., то и в таком случае русским ученым С. С. Шашкову (1869) и Ф. И. Буслаеву (1873) принадлежит очевидный приоритет. За этими авторами следует длинный ряд сначала «семидесятников»,

и др. В 1872 г. Иван Петров, впоследствии известный исследователь Аляски, реферировал в журнале «Дело» (№ 3) второй, вышедший в 1871 г. труд Тэйлора «Первобытная культура», и в том же году перевод этого сочинения, под редакцией Коропчевского, сначала печатается в журнале «Знание», затем выходит в двух томах (в 1872—1873 гг.) отдельным изданием (2-е издание этого перевода в 1896—1897 гг.). В 1873 г. в «Знании» (№№ 7 и 10) печатается перевод появившихся в том же году статей Тэйлора «Первобытное общество». В том же году выходит перевод «Древнего права» (1861 г.) Г. Мэна и в следующем, 1874 г., выходит перевод его же «Деревенских общин» (1871 г.). В 1875 г. появляется перевод сочинения Э. Лавеле «Первобытная собственность» (1872 г.). В 1876 г. выходят переводы: нового сочинения Мэна «История учреждений» (1875 г.), двух книг Леббока — «Доисторические времена» (вышло впервые в 1865 г.), переведенной под редакцией Д. Н. Анучина с 3-го издания, 1872 г., и «Начала цивилизации» (1870 г.), переведенной под редакцией Коропчевского (2-е издание этого перевода — в 1896 г.), и, наконец, «Происхождение семьи» Жиро-Телона (1874 г.). В том же году С. С. Шашков, в статье «Развитие первобытной культуры» («Дело», 1876, 9—12) дает обзор взглядов о первобытной религии по Леббоку, Тэйлору, Бастияну и др. В 1877 г. выходит перевод двух томов «Оснований социологии» (1876 г.) Спенсера и в 1878 г. — перевод «Описательной социологии» Спенсера, под редакцией И. В. Лучицкого. В 1878—1879 гг. Коропчевский печатает в журнале «Славян» (1878, 11—12; 1879, 5—6) две статьи: «Родовое начало в древнем обществе» и «Родовые учреждения у классических народов», представляющие собой изложение изданного в 1877 г. «Древнего общества» Моргана. В 1882 г. Н. И. Зибер печатает статьи: «О коллективном характере первоначальной невавилонской собственности» («Юридический вестник», 1882, 5), излагающую работу под тем же названием П. Виоле, появившуюся в 1872 г., и «Новый труд о первобытных учреждениях» («Отечественные записки», 1882, 7) — изложение напечатанной в 1870 г. работы голландского последователя Бахофена, Г. А. Вилькса о правительственных формах брака. В том же году выходит с предисловием П. Л. Лаврова перевод новой, появившейся в 1881 г., книги Тэйлора «Антропология» (4-е издание этого перевода — в 1924 г.) и перевод статьи Мэна «О юридическом устройстве семьи у индейцев славян и фаджпудов» (появившейся в 1877 г.). В 1884 г. выходит под редакцией М. М. Ковалевского, перевод последней, 1883 г., работы Мэна «Древний закон и обычай», и в том же году Зибер в статье «Сравнительное изучение первобытного права» («Юридический вестник», 1884, 5, 6) излагает работы Поста.

⁵¹ Единственное, насколько мы знаем, исключение — напечатанный в 1880 г. в киевских «Университетских известиях» докладом М. И. Аландским реферат стоящей на позициях «патриархальной теории», к тому же незначительной, книги: W. E. Haegh, *The aryan household*. London, 1878.

зотем — «своими десятиниками». Признание, которое получил в России Бахофен, можно назвать высоко авторитетным: воспринявшие в той или иной мере его идеи были в большинстве уже сложившиеся, нередко крупные ученые, а если начинающие, то даровитые и талантливые молодые люди. Благодаря этому и благодаря широкому распространению их работ имя Бахофена сделалось в 70—80 гг. хорошо известным и широким кругам русской интеллигенции.

Русские последователи Бахофена знакомились с ним преимущественно по его собственным трудам, а не из вторых или третьих рук, как это нам пришлось отметить для зарубежных излагателей или критиков Бахофена, причем в России читали не только «Материнское право», но и другие, еще менее известные и более специальные его сочинения. Ни немецкий язык, знакомство с которым, кстати сказать, было в ту пору широко распространено среди русской интеллигенции, — впрочем, русские ученые всегда отличались знанием иностранных языков, — ни тяжелый бахофенов стиль, ни хаотичность и мистическая затуманенность его изложения, ни громоздкость его трудов, — ничто не составило особого препятствия, не помешало русским ученым овладеть идеями гениального швейцарца.

Как не признание Бахофена за рубежом, так признание его в России имело свои глубокие основания. Это — те высоко прогрессивные настроения и убеждения, тот дух идейной независимости, которые были глубоко присущи всей подлинной науке в России характеризуемой эпохи, которые были неотъемлемой чертой всех русских настоящих ученых того времени. Поэтому-то как все в целом прогрессивное по своему существу новое учение о первобытности, так в частности учение о матриархате, нашло себе благодарную почву в русской науке. Весьма характерно и знаменательно, что столь широко распространенная и столь прочно веками державшаяся за рубежом «патриархальная теория» никогда не находила себе в русской науке и литературе более или менее значительного отклика. И это несмотря на то, что в России патриархальный уклад, «патриархальщина» составляли вполне живую действительность еще в ту эпоху, о которой мы говорим. Если эта «патриархальщина» иногда и фигурировала в нашей литературе в качестве общественного или семейного идеала, то все же никогда «патриархальная теория» не играла в нашей научной литературе роли исторической догмы и не становилась на те воинствующие позиции, которые она нередко занимала за рубежом. Таким образом, и эта научная непредубежденность и незараженность русских ученых «патриархальной теорией» дали место принятию в России учения Бахофена. Не должно было оказаться чуждым и неожиданным учение о былом свободном, равноправном, а иногда и преобладающем общественном положении женщины историкам русского прошлого, среди которых уже до Бахофена совершенно самостоятельно сложились соответствующие взгляды на прошлое русской, славянской женщины.

Восприятие учения Бахофена имело у ряда представителей русской науки не узкий и частный, а довольно широкий и глубокий характер. Это восприятие было вместе с тем не компилятивным, а преимущественно критическим. Правда, те авторы, которые не вчитались как следует в Бахофена и не поняли его, в особенности те, которые брали его из вторых рук, впадали подчас в существенные заблуждения. В таких случаях правильному пониманию Бахофена явно вредили те искажения, о которых мы говорили, которые содержались у этих посредников — «излагателей» и «толкователей» Бахофена.

Русские ученые не только критически усваивали Бахофена, но и шли дальше, разрабатывали его положения на новом материале, находя новые черты и элементы матриархата, давая новые толкования отдельным фактам и явлениям. Особое научное значение имело здесь

привлечение русского и обще-славянского материала, а затем — этнографического материала по Кавказу. Русский ученый В. В. Сокольский первый не только заговорил о матриархате у кельтов и германцев, а затем — у народов Кавказа, но и доказал его существование в прошлом. Все это ниспровергло теорию «не-арийского матриархата» и дало затем возможность М. М. Ковалевскому первому, оставшемуся в этом отношении надолго единственным в мировой науке, широко осветить наличие матриархата в прошлом всех «арийских» народов, а вместе с тем его историческую универсальность. Позиция, которую, в связи с признанием универсально-исторического места матриархата, русские ученые переносили на весь исторический процесс, это, как мы видели, настойчиво повторявшееся рядом авторов утверждение единства исторического развития всех народов, всего человечества, — эта позиция составляет отличительную черту русской исторической науки, резко отличающую ее от многих течений и «школ» науки зарубежной. Значение и важность этой позиции можем еще раз оценить мы, современники недавнего нового возрождения мрачной теории особенности путей развития отдельных, «избранных» народов и проч.

Можно в общем считать, что, с одной стороны, учение Бахофена сделалось для русской науки плодотворным основанием для разработки как отдельных тем, так и ранней истории отдельных народов, с другой стороны, русская наука сделала и свой существенный вклад в разработку и развитие самого учения о матриархате.

Наиболее значительное тому свидетельство — создание и развитие учения об эпохе матриархата в русском и общеславянском прошлом. Возникнув совершенно самостоятельно, представляя собой объективный вывод из показаний источников, но явившись все же скорей интуитивной догадкой, представление о свободном и независимом положении русской и славянской женщины в первобытную эпоху, оплодотворенное учением Бахофена, принимает на основе все шире привлекаемого материала письменных памятников, фольклора, обычного права, семейных и свадебных обычаев, религиозных пережитков научную форму учения о начальном славянском матриархате. Мы могли действительно проследить на нашем обзоре в качестве особого течения русской исторической науки развитие этой темы от гениальной догадки наших «пятидесятников» (Кавелин, Шульгин) и «шестидесятников» (Добряков) к становящимся все более основательными и глубокими исследованиями «семидесятников» (Шашков, Буслаев, Смирнов), а за ними — «восьмидесятников» (Ковалевский, Охримович). Эта славянская тема представляет собой одновременно и созданную русской наукой ценную главу по истории славянского прошлого, и крупный вклад в учение о матриархате. Не приходится говорить о том, что тема эта исследовательски далеко не исчерпана, и разработку ее далеко нельзя считать законченной.

Усвоив учение Бахофена, русская наука быстро усвоила и учение другого гениального создателя первобытной истории — Моргана, как в целом, так и в наиболее существенной части этого учения — учения о роде. Напомним, что и морганово учение о роде оказалось не чуждым русской науке и нашло в России готовую почву потому, что, как нам приходилось на это указывать, именно в России проблема рода была задолго до Моргана не только поставлена, но и интенсивно разрабатывалась⁵². Таким образом, идея матриархата была усвоена у нас не

⁵² См. об этом в наших работах: «Проблема доклассового общества в эпоху Маркса-Энгельса», «Советская этнография», 1933, 2; в вышеназванной работе о Морганае «Из истории проблемы матриархата», «Советская этнография», 1946, 1; «Семейная община, К истории вопроса», «Известия Отделения истории и философии Академии Наук СССР», 1946, 4.

только в бахофеновом ее понимании, но и в новом, углубляющем ее, кастовском истолковании, как материнского родового строя.

В общих, если сравнить, что было в пределах взятого нами периода стало по проблеме матриархата за рубежом и у нас, то, помимо установленного нами неоспоримого первенства в этом отношении русской науки, можно сказать, что нигде, ни в какой стране проблема эта не встретила такого широкого интереса, не подверглась такому живому обсуждению и такой интенсивной трактовке, как в России.

Русские ученые, занимавшиеся проблемой матриархата, были далеко не свободны от частных, иногда весьма существенных ошибок, различными причинами и обстоятельствами объясняемых. Не мало из того, что на данную тему было написано в 70—80 гг. прошлого века,— не приходится говорить,— устарело. Все же, с каждым новым автором научное значение отдельных работ повышалось. Этому в частности содействовало, можно сказать, традиционно свойственное русским ученым обыкновение, наряду с заимствованием и усвоением зарубежных научных достижений, держаться исследовательской преемственности и по отношению к своим, отечественным работам в данной области или по данной теме, использовать работы своих предшественников и тем, наращивая исследовательские достижения, идти вперед. В результате, мы из числа этих, теперь уже «старых», русских работ по матриархату имеем не мало, как нам приходилось отмечать, стоящих на высоком научном уровне, далеко не устарелых, сохраняющих и сейчас, несмотря на то, что со времени их появления прошел ряд десятилетий, свое научное значение. Все это дает нам основание еще раз повторить, что, как тем, что русские ученые дали для развития учения о матриархате, так и тем, что из их продукции сохраняет поныне свою научную ценность, русская наука сделала крупный вклад в данную область знания.

Тем более досадно то обстоятельство, что работы русских ученых по матриархату остались не известными и не оказали влияния за рубежом. Такова печальная участь, на которую преимущественно была осуждена русская наука дореволюционного времени: участь Сокольского — разительный тому пример. Работа Ефимова в свою очередь могла бы оказать влияние на взгляды зарубежных романистов; и до сей поры, после Бахофена, в зарубежной литературе не существует специальной работы по пережиткам матриархата в древнем Риме, в частности отраженным в римском праве. Посчастливилось в отношении, о котором мы говорим, только М. М. Ковалевскому благодаря его личному «интернационализму», его лекционным и литературным выступлениям за границей. Да и то, Ковалевский выступил со своей, можно сказать, пропагандой матриархата в ту пору, когда в данной области за рубежом уже поднялась научная реакция, и его идеи оказали ограниченное влияние.

Может быть поставлен вопрос: знал ли сам Бахофен о том успехе и влиянии, которое он приобрел в России, о своих русских приверженцах и последователях? На это мы, к сожалению, не имеем ответа. Весьма интересное сообщение находим у Русанова. «Незадолго до смерти,— рассказывает Русанов, очевидно, со слов близких к Бахофену людей,— он стал живо интересоваться русской научной литературой по этнографии (особенно об инородцах) и по социальным отношениям. Шутя, жаловался он своим друзьям, что уже слишком стар, чтоб быть хорошим учеником по русскому языку».

Как было сказано, период 90-х гг. прошлого и начала нынешнего столетия характеризуется в области науки о первобытности своеобразной реакцией. Создавшаяся за рубежом (выступления Каутского, Старке, Вестермарха и др.) реакция эта отозвалась и в России. Ха-

характерную черту русской научной жизни этого времени составляет то, что на смену прежнего идеологически обусловленного отбора по отношению к зарубежным научным течениям и явлениям, дававшего место только подлинно научным и преимущественно прогрессивным достижениям зарубежной мысли, в России этого времени воцаряется своего рода эклектизм, — безразборчивый интерес ко всяким зарубежным идейным «новинкам», впрочем, приобретающим обычно весьма эфемерный успех. В области нашей науки это в частности выражается в том, что вместо отбора действительно ценного переводятся и реферируются всякие «новинки», в том числе и явно реакционная продукция или различные суррогатные изделия (те же Старке, Вестермарк, — правда, перевод последнего остался неоконченным, — Краулей, Тард и др.). С другой стороны, хотя интерес к вопросам первобытной истории у нас в это время и продолжает поддерживаться, однако, далеко не в той мере, как это было в предшествующие десятилетия. Наконец, если взять в частности проблему матриархата, то здесь прямо сказывается реакционный уклон, отказ от признания универсальности матриархата, сведение его опять к матрилинейной филиации и некоторым «курьезам», попытки объявить Бахофена безнадежно «оставленным» и т. д. Своеобразное проявление этой реакции составляет за рубежом то, что ряд авторов, в свое время принявших, вместе со всем новым учением о первобытности, и учение о матриархате, отходит теперь на позиции «патриархальной теории». Точно то же явление замечается и в России. Печальным примером такого отхода является М. М. Ковалевский. В своем «Родовом строе», представляющем собой переработку «Первобытного права», Ковалевский, во-первых, уделяет матриархату уже гораздо меньше внимания, чем в предшествующих своих работах, во-вторых, вновь резко возражает против допущения «гинекократии», считает построения Мак Леннана более прочными, чем бахофеновы. Все же Ковалевский и здесь поддерживает свой тезис об универсальности матриархата⁵³. Еще более сдвинулся Ковалевский вправо в своей «Социологии», где говорит уже не о матриархате или материнском роде, как раньше, а предпочитает термин «материнство», вновь протестует против допущения господства женщины в первобытной семье, утверждая, что в ту пору власть в семье принадлежала все же мужчине, старшему брату матери, и заявляет, что «значение материнства ограничивается одним счетом родства, с которым стоит в тесном отношении система брачных запретов, а также система кровного возмездия»⁵⁴. Наконец, в самой последней своей работе по первобытной истории Ковалевский уже начисто отказывается от идеи материнского рода, сохраняя матриархат в качестве совершенно неопределенного набора отдельных порядков⁵⁵.

Точно так же эклектическими, нерешительными, а иногда прямо реакционными представляются выступления на тему о матриархате ряда других, правда, второстепенных, авторов (Н. Н. Харузин, В. Н. Харузина, А. Н. Максимов и др.). Впрочем, особого влияния все эти выступления не имели. Но вообще та оригинальная и интересная разработка проблемы матриархата, которой характеризуются 70—80 гг., в рассматриваемое время резко прерывается и создаваемая в этом отношении в русской науке традиция не находит продолжателей. Более

⁵³ М. Ковалевский, Родовой быт в настоящем, прошлом и будущем, Опыт в области сравнительной этнографии в истории права, СПб., 1905.

⁵⁴ М. Ковалевский, Социология, II. Генетическая социология для учения об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политический власти и психической деятельности, СПб., 1910.

⁵⁵ М. Ковалевский, Происхождение семьи, рода, политического государства и религии, в кн. «Итоги науки в теории и практике», 1919, № 1, с. 119—121.

того, сделанное в этой области нашими «семидесятниками» и «восьмидесятниками» не только впало в пренебрежение, но и было в такой мере забыто, что ряд литературных явлений этого прошлого нам доводится сейчас извлекать из полного, — печального и несправедливого, — забвения.

Мы не будем не-объективны, если скажем, что то, что мы назвали реакцией в науке первобытной истории, длится за рубежом и по сейчас. От этого не спасают и сущность дела не меняют те разнообразные, в различные стороны направленные, притом разнородные, искания, которые составляют преимущественное содержание различных направлений, «теорий», «школ» и проч. современной зарубежной «этнологии», «социальной антропологии» и т. д. Все эти поиски новых методов, новых подходов, точек зрения и проч., все эти блуждания по путям и перепутьям произвольного подбора и столь же произвольной группировки фактического материала не выводят зарубежную науку из по сути дела все же реакционного тупика, в котором ветхая «патриархальная теория» довольно свято сохраняется в качестве основной вехи.

1917 год принес возрождение нашей науки, науке вообще, первобытной истории в частности.

Вооруженная марксистско-ленинским методом, советская наука восприняла все накопленное в прошлом наследие в области учения о первобытности в том его виде, в каком оно было уже принято и переработано Марксом и Энгельсом. Одновременно советская наука возобновила традицию 70—80 гг. прошлого века и вновь подняла тему о матриархате, оценив теоретическое и политическое значение этой проблемы. Поэтому тема эта заняла центральное место в советской первобытной истории. За это говорило и то значение, которое придавали проблеме матриархата Маркс и Энгельс. За это говорило и то высказывание о матриархате, которое первым в советской науке выразил В. И. Ленин.

В своей лекции «О государстве», прочитанной 11 июля 1919 г. в Свердловском университете, Ленин, характеризуя отношения первобытного строя, сказал: «Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение». И далее Ленин указал на то, что женщины в эту эпоху занимали «не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое»⁵⁶.

Посредству замечательной русской женщины, Героя Советского Союза, покойной Марины Михайловны Расковой, мы обязаны счастливой возможностью привести и высказывание о матриархате вождя советской науки И. В. Сталина. В своих «Записках штурмана» Раскова, рассказывая о приеме в Кремле участниц славного перелета, писала: «Берет слово товарищ Сталин. Он говорит просто, замечательно умно и остроумно. Он напоминает о времени матриархата, рассказывает, что такое матриархат, как это получилось, что женщины были более запасливыми, чем мужчины, что женщины начали возделывать сельскохозяйственные культуры в то время, как мужчины занимались только охотой, и вот женщины оказались значительнее мужчин. Потом он говорит о тяжелой доле женщины во все дальнейшие века»⁵⁷. В этих

⁵⁶ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 365—366.— Лекция эта впервые была напечатана по сохранившейся стенограмме в 1929 г. в «Правде», № 15 от 18 января.

⁵⁷ М. Раскова, Записки штурмана, «Знание», 1939, 2; существуют отдельные издания.

гениально простых словах — в основных чертах вся история матриархата как всемирно-исторического явления.

Наряду с этими руководящими указаниями, основной установкой в проблеме матриархата является для советской науки то истолкование, которое было дано Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» — настольной книге всякого советского историка первобытного общества, всякого этнографа.

Но за истекший со времени 80-х гг. период не мало, конечно, было сделано по частным вопросам матриархата в зарубежной науке, что, естественно, опять таки в духе традиций старой русской науки, советская наука критически усваивает. За это же время зарубежная полевая этнография сделала, надо признать, колоссальное накопление фактического материала, содержащего не мало данных и по матриархату. С другой стороны, хотя в течение того периода реакции в русской науке, о котором мы говорили, теоретическая мысль по первобытной истории, в частности по проблеме матриархата, не дала ничего, русская полевая этнография, для которой 70—80 гг. прошлого века были в свою очередь периодом расцвета, в последующие десятилетия, в особенности в 90-ые гг., продолжала стоять на весьма высоком уровне. В результате, советская наука имеет солиднейшую теоретическую и обширную фактическую базу для дальнейшей разработки проблемы матриархата.

Учение о матриархате, как универсально-исторической эпохе и как общественном строе, через который прошло, тем или иным путем, все человечество, твердо и неизбежно вошло в советскую науку. Эта позиция отразилась во всех общих и частных трудах советских ученых по первобытной истории. Период матриархата занимает должное место во всех общих и специальных курсах, читаемых в наших высших учебных заведениях по первобытной истории, этнографии, истории родовой организации и на смежные темы, будучи отражен и в соответствующих учебных программах. Учение о матриархате является руководящим и для всех советских этнографов, в особенности изучающих общественные формы и отношения, давая весьма плодотворные результаты. В работах наших полевых этнографов сплошь и рядом отмечаются и описываются элементы матриархата. Появился и ряд специальных работ на тему о матриархате у различных народов нашего Союза, у зарубежных современных и исторических народов (работы покойной Н. П. Дыренковой, работы К. В. Вяткиной, Е. А. Рыдзевской, М. Э. Матье и др.). Автором этих строк также напечатан ряд работ на тему о матриархате. Отметим плодотворное применение учения о матриархате советской лингвистикой, где мы имеем высказывания и специальные работы академика Н. Я. Марра, и советской археологией, где надлежит особо отметить соответствующие интерпретации П. П. Ефименко в его капитальном труде «Первобытное общество».

Все же, сделанного советской наукой в области проблемы матриархата далеко не достаточно. Больше осталось сделать, чем было сделано.

Задачи советской науки в данной области исследования таковы.

Прежде всего, для наших полевых этнографов еще остаются широкие возможности собирания конкретного материала по проблеме матриархата у отдельных народов. Затем назрела пора и возможность не только подвергнуть ряд тем и вопросов, входящих в проблему матриархата, теоретической трактовке, но и создать капитальное исследование по матриархату. Эта в частности задача, требующая прежде всего владения подлинным научным методом, под силу сейчас только советской науке. Обязательная задача нашей науки — возобновить ту традиционную тему, которая осталась нам в наследие от наших «стариков», —

тему об архаическом славянском матриархате⁵⁸. Уместно поставить вопрос о переиздании ставших библиографической редкостью старых работ, отмеченных в нашем обзоре в качестве сохраняющих свое научное значение.⁵⁹

Наконец, last but not the least, долгом нашим является издание переводов трудов Бахофена, в первую очередь, конечно, «Материнского права», в оригинале действительно трудно доступных для нашего читателя, никогда ни на один язык не переведившихся. Этим мы возобновим старую бахофеновскую традицию русской науки, этим мы воздадим ту дань, которой наша наука обязана великому швейцарскому ученому.

⁵⁸ Неудачную попытку вернуться к этой теме представляет собой статья М. Беляева, Следы матриархального быта в народной русской словесности, «Известия Северо-Кавказского Государственного университета», I, 1928.

⁵⁹ Уже во время печатания настоящей работы нам довелось разыскать, что статья В. В. Сокольского о пережитках матриархата на Кавказе была напечатана и по-немецки: W. Sokolsky. Spuren primitiver Familienordnungen bei den kaukasischen Bevölkerung. «Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Russlands», XII, 1883, I. St. Petersburg).